

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-18-26

**РЕЖИМ «НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ»
КАК РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ О СОЦИОДЕМОКРАТИИ
(К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
КОНЦЕПЦИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» В ИНДОНЕЗИИ)¹**

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Автор статьи раскрывает основные положения идеологии «третьего пути» в рамках индонезийской модели политического лидерства. К концу 50-х гг. Сукарно завершил формирование доктрины «третьего пути». Анализируя действующие политические модели, Сукарно апеллировал к самобытности, отвергая капитализм, который порождает колониализм и фашизм. Он отвергал прежде всего саму психологическую основу либерального капитализма – индивидуализм, ведущий к конкуренции и борьбе и поэтому неприемлемый для Индонезии. Концепция «третьего пути» Сукарно подразумевала построение социально-экономической модели традиционного, патриархально-эгалитарного общества, в основе которого лежали принципы общинной солидарности и взаимопомощи. Основным элементом социальной модели, согласно мысли Сукарно, являлась семья как центр солидаризма, возглавляемая патриархом, главой семьи. Принцип семьи был перенесен Сукарно на все индонезийское общество. Сам Сукарно становился отцом нации.

Ключевые слова: Сукарно, концепция «третьего пути», Индонезия, солидаризм, политическое лидерство

Летом 1963 г. Сукарно, пытаясь хрестоматийным методом перенести недовольство индонезийцев состоянием дел внутри страны на внешнего противника, развязал заранее обреченный на неудачу конфликт с Малайзией. Он заявлял: «Путь нации, вставшей на путь борьбы, не имеет финала. Оканчивается одна конфронтация, начинается другая... Если проблема не приходит извне... то возникают внутренние противоречия» [1. Р. 271]. По логике Сукарно, избежать внутренних противоречий можно, консолидируя нацию в борьбе с внешним врагом.

¹ Продолжение. Начало см. Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2016. № 3. С. 5–17; № 4. С. 5–19.

Известный политик эпохи Сукарно – А. Моноуту, обосновывая мотивы конфликта с Малайзией, заявлял: «Нам необходима победа над Малайзией не только для гарантии нашей безопасности, но и для обретения ощущения солидарного свершения, достигнутого коллективно, достаточного для преодоления элементов наших внутренних противоречий» [2. Р. 384–386].

Малайзии была уготована роль демона в политическом спектакле, срежисированном Сукарно, в целях консолидации комбинированного общества, трещавшего по швам. Искусственность конфликта очевидна даже из краткой цепи событий его развития.

В мае 1961 г. премьер-министр Малайской Федерации Т. Абдул Рахман заявил о необходимости более плотного сотрудничества между Малайей, Сингапуром и Сараваком. Спустя несколько месяцев генеральный комиссар Великобритании в ЮВА лорд Сэлкирк прибыл в Индонезию с целью проинформировать правительство страны о планах по созданию федерации Малайзия из территорий бывших британских колоний [3. Р. 85]. Любопытная деталь – Сукарно в то время не имел ничего общего против этого проекта. Это вполне объяснимо. Энергия индонезийского лидера и народа, ставшего актером его театра теней, были направлены на разрешение западноирианской проблемы.

15 сентября 1963 г. было провозглашено создание Федерации Малайзии. В последующие два дня дипломатические отношения между двумя странами были разорваны.

Посольства Малайзии и Великобритании в Джакарте были сожжены. В ответ было разгромлено посольство Индонезии в Куала-Лумпуре [4. С. 216]. Сам факт возникновения нового государства Сукарно интерпретировал для индонезийцев как неоколониальный и неоимпериалистический заговор. Подготовка к такой трактовке событий была начата в конце 1962 г. после решения западноирианского конфликта, когда Сукарно вновь стал физически нуждаться в новой конфронтации. На волне победоносной эйфории народ поддержал новую внешнеполитическую инициативу своего лидера.

Политический потенциал лидерства Сукарно являл собой причудливый синтез революционного романтизма, сакрального мессианства и прагматизма. Внешнеполитические конфликты 1-й половины 60-х гг., инициированные Сукарно, были орудием перенесения акцента с внутренних проблем на внешние с целью сохранения им своего авторитарно-патриархального лидерства. Однако был в этом и оттенок другой тональности, существенный аспект, связанный с массовым сознанием, психологией формирующейся индонезийской нации.

Весьма важное наблюдение для понимания лидерства Сукарно сделали А.Ю. Другов и В.А. Тюрин. Важнейшей заслугой Сукарно как национального лидера, по их мнению, является его решающий вклад в развитие национального самосознания индонезийцев, в осознание ими себя нацией, находящейся

на одном уровне политической иерархии с любой другой нацией мирового сообщества [4. С. 216].

Но трагедией индонезийского лидера, посвятившего себя задаче строительства нации, стала ставка на акции и кампании героического содержания. Он не смог наполнить психологию древних этносов Архипелага осознанием того факта, что жизнь нации не может быть движением от одной конфронтации к другой, от одного героического поединка к другому, что жизнь нации – это зачастую кропотливая и рутинная работа над собственным совершенствованием, что «золотой мост» это не фразеология и доминирование идеологии, а модернизация и экономическое развитие.

Конфликт с Малайзией оказался много сложнее решения западноиррианской проблемы и имел совершенно иной резонанс на международной арене. Для руководства мировых держав – США и СССР – была очевидна опасность развязанной индонезийским лидером конфронтации, в ходе которой события могли принять бесконтрольный и непрогнозируемый характер. Конфликт между Индонезией и Малайзией мог из локального превратиться в международный. Британский журнал «Уорлд тудей» сообщал о готовности Великобритании объявить войну Индонезии с тем, чтобы выполнить свои обязательства в отношении Малайзии [5. С. 165].

Сукарно в этот период особенно сближается с Китаем. Руководство КНР поддержало его, видя недовольство Сукарно позицией Советского Союза по малайзийской проблеме. Сближение КНР с Индонезией вписывалось в противостояние Пекина и Москвы начала 60-х гг. Курс на стремительное сближение с Китаем наносил непоправимый ущерб имиджу Сукарно. В среде этносов Архипелага всегда присутствовала настороженная отчужденность к замкнутой китайской диаспоре. В массовом сознании индонезийцев господствовали антикитайские настроения, основанные на том, что китайцы не стремятся к ассимиляции, свысока относятся к местному населению. Китайское этническое меньшинство вело довольно обеспеченный образ жизни, вызывая зависть и неприятие у индонезийцев. Находясь в Индонезии, исследователю А.Ю. Другову в беседе с китайским бизнесменом довелось услышать следующую оценку: «Если китаец заработает пять рублей, он три проест, а два отложит. Если индонезиец заработает пять рублей, он шесть проест». Китайцы с крайним осуждением относятся к склонности к расточительству и лени, присущим, по их мнению, индонезийцам. Те же, в свою очередь, видят в трудоспособных и работающих китайцах объект для зависти: «Мы глодаем кости, а китайцы едят мясо» [6. С. 117–118].

Бесперспективность противостояния с Малайзией, сближение на этом фоне с Китаем усугублялись внутренними противоречиями. Сукарно отчаянно маневрировал между представителями левых сил и армейским генералитетом. КПИ начала активную деятельность, направленную против кабиров, а следовательно, против военных. На словах формально и те и другие под-

держивали Сукарно, но на деле никакого единодушия устремлений уже не существовало.

Сукарно шел на все, отчаянно сигнализируя различным политическим силам страны, надеясь, что все это он делает во имя высшей цели – единства, которое было альфой и омегой его лидерства. Харизматичность Сукарно осталась, но стала выхолощенной, лишенной искрометности, энергетического потенциала, пассионарности. Он продолжал жить прошлым, он не мог найти свое место в изменившейся политической обстановке. Он утратил магию обаяния, он перестал влиять на массы, отдалившись от них. Народ стал объектом манипулирования и почувствовал это. К середине 60-х гг. Сукарно ничего не мог предложить своему народу. У него не было программы по выходу из затяжного кризиса. Образ жизни Сукарно все более входил в противоречие с его имиджем революционного лидера, его жизнь и выступления этого периода все более соответствовали стилю яванских средневековых монархов. Характерный эпизод излагает С. Адамс, автор одной из лучших и обстоятельной биографии индонезийского лидера, лично знакомая с ним, в своей книге «Сукарно мой друг». Как-то жена президента – Хартини ангажировала Адамс с супругом на прием во дворце. Когда они прибыли точно в указанное время, выяснилось, что дата приема была названа ошибочно. Личный пилот Сукарно сказал, что, присутствуя при приглашении, он обратил внимание на допущенную мадам Хартини ошибку. Он ничего не сказал, поскольку счел неприличным поправлять жену Сукарно. Американцам же пилот ничего не сказал, поскольку он не мог показать вид, что слышал разговор, не имеющий к нему никакого отношения [7. Р. 237–238].

В середине 60-х гг. индонезийский лидер занял прочное место на ярмарке политического тщеславия и честолюбия. Возникла маниакальная одержимость проектами, которые так и оставались лишь общими концепциями. Строительная гигантомания и султанский образ жизни вознесли его на пьедестал, с высоты которого насущные проблемы индонезийского общества были трудно различимы. Как пишет С. Пендерс: «Его зарубежные турне и интимные похождения были грандиозны и достойны яванского раджи» [8. Р. 200].

Лидерство Сукарно сформировало любопытную особенность индонезийской модели. Согласно традициям яванской культуры ошибки и неудачи, допускаемые лидером, свидетельствуют об утрате им божественной благодати, космической энергии секти. Следовательно, и правитель теряет свою сакральную харизматичность. Однако несмотря на общее осознание индонезийцами тупика, в который пришел их лидер вместе с ними, они на уровне бытового сознания пытались снисходительно относиться к трансформациям имиджа Бунг Карно. «Даже родной отец иногда совершает ошибки, но вы не перестаете из-за этого любить его», – говорили индонезийцы, когда решения президента выглядели совсем иррациональными [9. С. 198–199].

Сукарно интуитивно или сознательно следовал в формировании своего имиджа тенденциям, понятным и созвучным идеалам массового сознания этносов Архипелага. Поэтому образ раджи и многочисленные любовные связи не только не вредили образу «отца нации», но и содействовали увеличению его креативного потенциала у населения.

Но если внешнее проявление лидерства Сукарно и массовое сознание находились в гармонии, то накапливающиеся экономические проблемы настойчиво взывали к решению. Следующие один за другим провалы в экономической сфере испепеляли его харизму. Почитания и восхищения становилось все меньше. Восторги толпы сменялись ропотом и недовольством. В некоторых городах Индонезии людям приходилось вставать до восхода солнца, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Начались сбои в работе почты. Люди целыми днями ждали доставки корреспонденции и газет, а когда их приносили, центральная станция уже отключала свет. В то время индонезийцы часто сетовали: «По вечерам нам только и остается, что сидеть в темноте и утешать себя мыслью, что лет через пять наша экономика все же сделает шаг к прогрессу» [10].

Стремление к региональной гегемонии приобретало к середине 60-х гг. гипертрофированные формы. В 1965 г. индонезийский лидер заявил: «В начале нашей революции нам были известны лишь два центра мировой политики – Вашингтон на Западе и Москва на Востоке. Сегодня со своим политическим курсом и собственной позицией, освобожденной от диктата Вашингтона, стал выступать Париж. Каир претендует на то, чтобы стать центром силы арабского мира. Аддис-Абеба хочет занять центральное место в африканском единстве. На севере Азии появился Пекин, а на юге – Джакарта» [11].

Развивая свою концепцию о НЕФО, Сукарно называет народы Азии, Африки и Латинской Америки авангардом грядущей мировой революции, а Индонезию – «маяком авангарда» [12. Р. 10]. К 1965 г. Сукарно утратил ощущение реальности. Его претензии на руководящую роль не только в рамках Азии, но и Африки и Латинской Америки, т.е. на роль лидера всех стран «третьего мира», были неуместны и нелепы.

В январе 1965 г. Сукарно объявил о выходе Индонезии из состава ООН, протестуя против избрания Малайзии в качестве непостоянного члена СБ ООН: «Народ долго терпел ООН, но теперь чаша терпения переполнилась» [13].

Нельзя не обратить внимание на очередное противоречие в позиции президента. Всего пять лет назад Сукарно с пиететом относился к этой организации: «Мы, индонезийцы, особенно заинтересованы в ООН... Благодаря ООН период нашей борьбы за независимость и национальную жизнь был сокращен» [14. С. 357].

Руководство КНР поддержало демарш, предпринятый Сукарно. В январе 1965 г. было подписано совместное заявление Индонезии и Китая о том, что не может быть мирного сосуществования между новыми растущими силами и старыми силами» [15]. Сукарно поддержал испытания ядерного оружия в КНР, отметив, что это фактор, который способствует коренной трансформации сил на международной арене [9. С. 223–225]. В печати Индонезии стали активно звучать призывы к окончанию политики мирного сосуществования государств с различными идеологическими системами [4. С. 224–225]. Так Сукарно в корне пересмотрел свою внешнеполитическую доктрину. В качестве основного союзника был окончательно избран Китай. В выступлениях индонезийского руководства появились неприкрытые антиамериканские и антисоветские высказывания. На фоне роста антиамериканских настроений были совершены нападения на государственные учреждения США в Джакарте и других городах [16. С. 70–76]. Архитектор Бандунга, политики неприсоединения – Сукарно фактически полярно изменил свои подходы к решению проблем мировой политики. Все это вело к изоляции Индонезии. Сукарно разорвал внешнеэкономические связи с Великобританией, Малайзией, Сингапуром. 11 апреля 1965 г. он выступил с речью «Опора на собственные силы». В ней он заявил об окончании национально-демократического этапа и о наступлении этапа социалистического. После чего отметил, что Индонезия стала «маяком авангарда» для стран «третьего мира».

По существу он выступал против биполярного мира, призывая к многополюсности. В его схеме было три центра силы: США во главе НАТО, СССР во главе Варшавского договора и Индонезия во главе развивающихся стран. Все это подтверждало, что индонезийский лидер вышел за пределы реалистической политики [4. С. 226], полностью погрузившись в мессианское мифотворчество.

Внутри страны апогея достигло противостояние между КПИ и армией. Сукарно предпочитал торможение, а не разрешение назревших противоречий. Он не хотел замечать, что курс «направляемой демократии» исчерпал себя. Атмосфера постоянной напряженности расшатывала политическую систему, авторитет лидера, входя в противоречие с яванской политической культурой, в соответствии с которой власть должна вносить в общество гармонию и порядок. Сукарно достиг прямо противоположного результата. Напряжение нагнеталось и распространившимися слухами об обострении у Сукарно хронической болезни почек, способной в любой момент привести к смерти Президента [9. С. 223]. В этой связи у армейской верхушки возникли опасения, что после смерти Сукарно им будет сложно претендовать на лидерство в политической системе Индонезии, состязаясь с КПИ, поскольку генералитет погряз в коррупции. В апреле 1965 г. на семинаре командования сухопутных войск была официально провозглашена концепция «двойной функции армии», кото-

рая теперь должна была действовать не только в военной, но и в идеологической, экономической культурной и религиозной сферах [17. Р. 24–25].

Генералитет всячески подталкивал Сукарно к отказу от революционной фразеологии и блокирования с коммунистами. Сукарно демонстрировал аморфность и нерешительность. Он боялся нарушить хрупкое равновесие сил, хотя баланса давно уже не существовало.

Дальнейшие события, развиваясь на фоне бездействия Сукарно, решили его судьбу и видоизменили облик политического режима страны. Весной 1965 г. Сукарно получил информацию о готовящемся заговоре против него в армии. В свою очередь, из армейской среды выделилась группа «прогрессивных офицеров», которые, блокируясь с коммунистами, выступили с инициативой пресечь попытку переворота. Их блок получил название «Движение 30 сентября». В ночь на 1 октября 1965 г. «прогрессивные офицеры» арестовали и расстреляли шестерых генералов сухопутных войск. В штаб движения прибыл Сукарно, который занял выжидательную позицию. Он не выразил официального одобрения акции «прогрессивных офицеров». Это создало двусмысленную ситуацию. Теперь в роли людей, пытавшихся осуществить переворот, оказались сами «прогрессивные офицеры». Этим мгновенно воспользовался командующий стратегическим резервом армии генерал-майор Сухарто, который принял на себя командование сухопутными войсками и объявил «Движение 30 сентября» попыткой государственного переворота [4. С. 229–231].

Сукарно и его окружение приложили все усилия к тому, чтобы изменить картину событий, исказив ее до неузнаваемости. Виновными в убийстве шести генералов, по их версии, стали коммунисты. В их адрес началась волна террора. Сукарно по-прежнему придерживался туманной позиции, сохраняя молчание. 11 марта 1966 г. Сукарно дал поручение генералу Сухарто «принимать все меры, необходимые для обеспечения безопасности, спокойствия и стабильности в управлении государством и развития революции, а также для обеспечения личной безопасности и авторитета президента во имя единства индонезийской нации и Республики Индонезии». Сухарто был обязан действовать в соответствии с идеологической доктриной Сукарно и быть ему подотчетным во всех действиях [18. С. 45]. Подписанный документ по существу был передачей власти в стране генералитету. 12 марта Сухарто распустил КПИ, в октябре 1966 г. насильственно изменил состав правительства. 7 февраля 1967 г. Сухарто в конфиденциальном письме к Сукарно предложил ему передать исполнительную власть. 20 февраля Сукарно передал управление страной Сухарто [4. С. 240–241]. В 1968 г. военные выдворили Сукарно из Богорского дворца и поместили под домашний арест в особняке в Джакарте. 21 июня 1970 г. бывший индонезийский лидер, сакральный харизматический авторитет, отец нации Бунг Карно, тихо ушел из жизни в центральном армейском госпитале Джакарты [19. С. 242].

Но его поражение как политика обернулось победой сакрального харизмата, яванского правителя, излучавшего секти. Уход из жизни и новый режим вновь произвели его в ранг священного символа нации, основы единства в многообразии.

© Воронин С.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams . N.Y., 1965.
- [2] Hilsman R. To move a nation. N.Y., 1967.
- [3] Williams M. Five Journeys from Jacarta, Inside Sukarno's Indonesia. N.Y., 1965.
- [4] Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. М., 2005.
- [5] World Today. L, April, 1965.
- [6] Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. М, 1997.
- [7] Adams C. Sukarno. My friend. Singapore, 1980.
- [8] Penders C. The life & times of Sukarno. L., 1974.
- [9] Капица М. С., Малетин Н. П. Сукарно: политическая биография М.: Мысль, 1980.
- [10] Business news, Djakarta, 12.07.1963.
- [11] "Harian rakjat", 20. 04.1965.
- [12] Berdiri diatas kakisendiri. April, 1965. P. 10.
- [13] Antara, 21.01.1965.
- [14] Сукарно. Индонезия обвиняет. М, 1961.
- [15] Harian Rakjat. 29.01.1965.
- [16] Малетин Н.П., Внешняя политика Индонезии. М, 1973.
- [17] Crouch H. The army & politics in Indonesia. L., 1978.
- [18] Цит. по: Юрьев А.Ю. Индонезия после событий 1965 г. М., 1973.
- [19] Шолмов Ю.А. Сукарно и Советский Союз // Сукарно: политик и личность. М, 2001.

REFERENCES

- [1] Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams . N.Y., 1965.
- [2] Hilsman R. To move a nation. N.Y., 1967.
- [3] Williams M. Five Journeys from Jacarta, Inside Sukarno's Indonesia. N.Y., 1965.
- [4] Drugov A.Ju., Tjurin V.A. Istorija Indonezii. XX vek. M., 2005.
- [5] World Today. L., April, 1965.
- [6] Drugov A.Ju. Indonezija. Politicheskaĳa kul'tura i politicheskij rezhim [Indonesia: Political culture and political regime]. M., 1997.
- [7] Adams C. Sukarno. My friend. Singapore, 1980.
- [8] Penders C. The life & times of Sukarno. L., 1974.
- [9] Kapica M.S., Maletin N.P. Sukarno: politicheskaja biografija [Sukarno: Political Biography]. M.: Mysl', 1980.

- [10] Business news. Djakarta, 12.07.1963.
- [11] “Harian rakjat”. 20. 04.1965.
- [12] Berdiri diatas kakisendiri. April, 1965. P.10.
- [13] Antara. 21.01.1965.
- [14] Sukarno. Indonezija obvinjaet [Indonesia blames. Collection of articles and speeches]. M., 1961.
- [15] Harian Rakjat. 29.01.1965.
- [16] Maletin N.P. Vneshnjaja politika Indonezii [Indonesia’s foreign policy]. M, 1973.
- [17] Crouch H. The army & politics in Indonesia. L., 1978.
- [18] Cit. po: Jur’ev A.Ju. Indonezija posle sobytij 1965 goda [Indonesia after the events of 1965]. M, 1973.
- [19] Sholmov Ju.A. Sukarno i Sovetskij Sojuz. Sukarno: politik i lichnost’ [Sukarno: a politician and personality]. M., 2001.

**REGIME OF “GUIDED DEMOCRACY”
(ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE IDEOLOGY
OF THE “THIRD POSITION” IN INDONESIA)**

S. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author reveals the basic provisions of the ideology of the “Third Position” in the Indonesian political leadership model. By the end of the 50’s Sukarno completed the formation of the doctrine of the “Third Position “. Analyzing the current political model, Sukarno appealed to the identity, rejecting capitalism that generates colonialism and fascism. He rejected, first of all, the very psychological foundation of liberal capitalism – individualism, the guiding to the competition and struggle, and therefore unacceptable to Indonesia concept of “Third Position”. Sukarno meant building a socio-economic model of traditional, patriarchal and egalitarian society based on the principle of community solidarity and mutual assistance. The main element of the social model, according to Sukarno thought, was the family as the center of solidarity, led by the patriarch, the head of the family. The principle of family has been moved Sukarno all Indonesian society. Sukarno himself became father of the nation, to decide for all, in the name of all. The thesis of this period “The main thing in our democracy is a governance “

Key words: Sukarno, Indonesia, solidarism, political leadership